

ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ И ПРОГРЕССИВНЫЕ ДЕЯТЕЛИ РОССИИ

(К 150-летию со дня рождения)

В. Е. Невлер

4 июля 1957 г. демократическая общественность всего мира отметила 150-летие со дня рождения великого народного героя Италии, одного из крупнейших вождей национально-освободительного движения XIX в.— Джузеппе Гарибальди (1807—1882). Имя Гарибальди в середине XIX в. стало знаменем борьбы за свободу и национальную независимость. «В течение целого полувека Гарибальди наполнял громом своего имени два полушария. Все, что было в старом поколении свободолюбивого и благородного, с трепетом и замиранием сердца следило за подвигами этого полусказочного героя»¹,— писал о Гарибальди известный русский писатель-демократ С. М. Кравчинский (Степняк).

Народные массы многих стран справедливо видели в Гарибальди благородного защитника свободы и национальной независимости. Деятельность отрядов Гарибальди относится к ярчайшим страницам в истории воссоединения Италии и освобождения ее от иностранных угнетателей. Маркс и Энгельс, отмечая отдельные ошибки Гарибальди, ценили его как человека, который высоко нес знамя итальянской революции². В. И. Ленин считал Гарибальди великим буржуазным революционером³.

Имя Гарибальди всегда было популярно в нашей стране. Образ замечательного сына итальянского народа был известен читателям России из произведений Герцена и друга Гарибальди, из статей Чернышевского и Добролюбова, которые в «Современнике» подробно освещали события в Италии, придавая особое значение революционным походам Гарибальди. Гарибальди хорошо известен и советским людям. Дм. Фурманов рассказывает в романе «Чапаев», что наравне с книгами о Разине, Пугачеве его герой зачитывался брошюрами о Гарибальди⁴. Павел Корчагин, главный герой романа Н. Островского «Как закалялась сталь», восхищался Гарибальди: «Вот герой!.. Сколько ему приходилось биться с врагами, а всегда его верх был... Эх, если бы он теперь был, я к нему пристал бы. Он себе мастеровых набирал в компанию и все за бедных бился»⁵.

В настоящей статье автор не ставит задачу осветить деятельность всех русских гарибальдийцев, раскрыть взаимоотношения Гарибальди со всеми его русскими друзьями или дать анализ всех отзвуков гарибальдийского движения в России. Эти вопросы заслуживают более подробного исследования. Автор стремился лишь осветить малоизвестные факты из деятельности некоторых наиболее активных русских гарибальдийцев, а также показать, как относились к итальянскому национально-освободи-

¹ С. М. Кравчинский (Степняк). Джузеппе Гарибальди. СПб. 1906, стр. 3.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII, ч. 2-я, стр. 61.

³ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 196—197 и 324.

⁴ Дм. Фурманов. Чапаев. М. 1947, стр. 104.

⁵ Н. Островский. Романы, речи, статьи, письма. М. 1949, стр. 47.

тельному движению, возглавляемому Гарибальди, отдельные общественные деятели России, особенно русские революционные демократы.

Гарибальди очень рано ознакомился с социальными и политическими условиями России. Хорошее знание русской действительности, русских людей из народа способствовало тому, что Гарибальди быстро сходиллся с русскими революционерами.

Гарибальди было 10 лет, когда он в качестве юнги прибыл первый раз на бригантине «Costanza» в Одессу⁶. Знаменательным для Гарибальди оказался его приезд в Таганрог в 1833 году. Именно здесь, в захолустном городке крепостной России, произошло посвящение Гарибальди в революционеры. В одном из скромных трактиров, где обычно собирались итальянские моряки, Гарибальди услышал пламенную речь Кунео — члена тайного революционного общества «Молодая Италия». Гарибальди тут же поклялся посвятить свою жизнь борьбе за освобождение родины и вступил в члены общества⁷.

Уже во время революции 1848—1849 гг., когда Гарибальди, по словам Маркса, заслужил славу «героя Монтевидео и Рима»⁸, он был хорошо известен читающей публике России. Особенно популярным среди широких разночинных слоев страны, среди революционно-демократической интеллигенции Гарибальди стал в 1860 году. Тогда он начал свой славный поход со знаменитой «Тысячей» волонтеров на юг Италии. Победоносное шествие Гарибальди с небольшим партизанским отрядом, сокращение им стотысячной, хорошо вооруженной неаполитанской армии вызывало, как известно, восхищение борцов за свободу, угнетенных народов всего мира и внушало ужас господствующим классам. Оценивая поход «Тысячи», Энгельс писал, что «в лице Гарибальди Италия имела героя античного склада, способного творить чудеса и творившего чудеса»⁹.

Из видных общественных деятелей первым русским знакомым Гарибальди был А. И. Герцен. Гарибальди встретился с ним в начале марта 1854 г., когда прибыл в Лондон из Южной Америки в качестве капитана корабля. Как только Герцен, живший в Лондоне, узнал об этом, он попросил своего старого друга, итальянского революционера Ф. Орсини, пойти с ним к Гарибальди, на корабль¹⁰. Герцен писал позже о первом впечатлении, произведенном на него великим героем: «...Гарибальди, целиком взятый из Корнелия Непота, с простотой ребенка и отвагой льва»¹¹.

Эти разные по характеру люди почувствовали такое взаимное расположение, что уже через несколько дней Гарибальди в письме к Герцену называл себя его другом «на всю жизнь»¹². В письме от 26 марта 1854 г. он писал, что встреча с Герценом является для него праздником¹³.

Вскоре после знакомства с Герценом Гарибальди уехал из Лондона и поселился на крошечном итальянском островке Тирренского моря — Капрере. Герцен не раз посещал дом Гарибальди, встречался с ним в разных городах Италии; Гарибальди также бывал на квартире у Герцена. По поводу одного из своих посещений Гарибальди Герцен писал: «Добродушная простота его обращения, отсутствие всякой претензии, радушие, с которым он принимал, располагали в его пользу»¹⁴.

Борец за свободу народов, Гарибальди очень интересовался революционной борьбой в России и польским освободительным движением. Че-

⁶ G. Garibaldi. Memorie. Edizione nazionale degli scritti di G. Garibaldi. Vol. II. Bologna. 1932, p. 23.

⁷ Там же, стр. 27.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI, ч. 2-я, стр. 61.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 1-я, стр. 461.

¹⁰ А. И. Герцен. Соч. Т. XIII. Пгг. 1919, стр. 341.

¹¹ Там же, стр. 340.

¹² «Былое», Кн. V. 1907, стр. 207.

¹³ Там же.

¹⁴ А. И. Герцен. Соч. Т. X. М. 1956, стр. 72.

рез Герцена он получал подробную информацию о положении дел в Польше и России и живо откликался на нее.

После манифеста об «освобождении» крестьян в Польше усилилось движение за независимость. 9 апреля 1861 г. в Варшаве произошла грандиозная демонстрация. Царскими войсками был открыт огонь, причем часть русских офицеров и солдат отказалась стрелять в народ. По поводу этих событий Гарибальди уже 15 апреля 1861 г. опубликовал в «Il diritto» открытое письмо к Герцену, в котором говорил о «негодовании европейских народов против виновника гнусной бойни» (Александра II.— В. Н.) и призывал поднять «голос проклятия на совершивших отвратительное злодейство». Гарибальди приветствовал поддержку Герценом освободительного движения в Польше. Заканчивая письмо, Гарибальди просил передать «слово сочувствия от итальянского народа несчастной и героической Польше. и слово благодарности храбрым воинам русским, которые, как Попов, сломали свою саблю, чтобы не обагрить ее в народной крови»¹⁵.

Этим Гарибальди выразил свои симпатии к братанию и дружбе польского и русского народов. Письмо Гарибальди нашло широкий отклик в европейской печати. Герцен сообщал издателю «The Daily News», что русские революционные эмигранты поняли свое «положение именно так, как его понял великий итальянец»¹⁶; затем Герцен передал в «The Daily News» письмо Гарибальди, которое было опубликовано в этой газете 22 апреля 1861 года. Гарибальди же Герцен отвечал:

«Любезный Гарибальди! Я передал ваши симпатические слова полякам и русским офицерам. По счастью, мы поступили согласно с Вашим советом, прежде чем получили его... Настоящие события требуют полную самозаконность Польши — без фраз, ее безусловную независимость от России и немцев... Пользуясь случаем, любезный Гарибальди, чтоб Вам повторить то, что Вам говорит весь свет: что мы удивляемся Вами со всей полнотой симпатии и любви»¹⁷.

Дружба между Герценом и Гарибальди способствовала сближению их взглядов по многим вопросам. Наш великий соотечественник философ-материалист Герцен оказал бесспорное влияние на формирование политических взглядов стихийного революционера Гарибальди.

Отдавая должное героизму Гарибальди, его беззаветной преданности революционному делу, Герцен отмечал и отдельные слабости его, указывая на то, что этими слабостями сумела воспользоваться сардинская монархия: «Гарибальди увлекался людьми: как он увлекался А. Дюма, так он увлекался Виктором-Эммануилом. Неделикатность короля огорчает его; король это знает и, чтоб задобрить его, посылает фазанов, собственноручно убитых, цветы из своего сада и любовные записки, подписанные «Sempre il tuo amico Vittorio» (всегда твой друг Виктор. — В. Н.)¹⁸.

В марте 1864 г. Гарибальди предпринял агитационную поездку в Англию с целью сбора денежных средств для организации новой экспедиции в Папскую область, чтобы освободить Рим. Во время поездки он встретился в Лондоне со своим старым другом — А. И. Герценом. Эта встреча была особо знаменательной и еще больше укрепила дружбу двух замечательных людей. Она ярко обрисована Герценом на вдохновенных страницах его знаменитого очерка «Красная рубашка» («Camicia rossa»). Грандиозными манифестациями приветствовал английский народ героя Италии. «В день приезда Гарибальди в Лондон, — писал Гер-

¹⁵ G. Garibaldi. Scritti e discorsi politici e militari. Vol. I. Edizione nazionale degli scritti di G. Garibaldi. Bologna. 1934, p. 356.

¹⁶ А. И. Герцен. Соч. Т. XI. Птрг. 1919, стр. 79.

¹⁷ Там же, стр. 84—85.

¹⁸ А. И. Герцен. Соч. Т. XIV. Птрг. 1920, стр. 170. Лишь благодаря близкой дружбе с Гарибальди Герцен имел возможность узнавать такие подробности о льстивых методах «обработки» Гарибальди Виктором-Эммануилом II.

цен,— я его не видал, а видел море народа, реки народа, запруженные им улицы в несколько верст...»¹⁹. Видя, с каким энтузиазмом народ относится к герою, английское правительство тоже начало заигрывать с человеком, внушавшим ему страх, и оказало Гарибальди «королевские почести». Герцог Соутерлендский предложил Гарибальди остановиться в королевском доме (Стаффорд-хауз). Надеясь получить от английского правительства некоторую помощь для своей экспедиции, Гарибальди ответил согласием. Это был крупный политический промах Гарибальди, отмеченный Герценом²⁰.

Герцен указывал, что цель заигрывания английского правительства с Гарибальди заключалась в том, чтобы «удалить Гарибальди от народа, то есть от работников, и отрезать его от тех друзей и знакомых, которые остались верными прежнему знамени...»²¹. Мадзини, живший тогда в Лондоне, отказывался встретиться со своим другом до тех пор, пока тот будет находиться в правительственном доме.

Помирить Мадзини с Гарибальди взялся Герцен, пригласивший их обоих к себе на квартиру. Банкет, устроенный Герценом, носил политический характер и имел большое значение как для русской революционной демократии, так и для итальянской. Приглашая Гарибальди на банкет, Герцен сказал ему: «Мне Ваше посещение бесконечно дорого, и теперь больше, чем когда-нибудь; в эту черную полосу для России Ваше посещение будет иметь особое значение: Вы посетите не одного меня, но друзей наших, заточенных в тюрьмы, сосланных на каторгу...»²².

Банкет состоялся 17 апреля в Теддингтоне (предместье Лондона), где проживал Герцен. Среди присутствовавших были экс-триумвиры Римской республики 1849 г. Мадзини и Саффи, Гарибальди и его секретарь Гверцони, друг Герцена Огарев. 17 апреля утром Герцен поехал за Гарибальди. У квартиры Герцена их карету ожидала огромная толпа народа. Навстречу им вышел Огарев, уже давно знакомый с Гарибальди через Герцена.

Эта встреча рассеяла всякие иллюзии правящих классов относительно того, что Гарибальди отходит от знамени революции и превращается в либерала. На банкете Гарибальди заявил, что еще с юных лет он нашел в Мадзини путеводную звезду к освобождению Италии и что с тех пор Мадзини является его учителем и другом. Мадзини же в своей речи отметил заслуги Гарибальди перед итальянской революцией и сказал, что тот является единственной могучей силой, на которую республиканская партия опиралась и опирается в своей революционной борьбе.

Выступления вождей революционной Италии вскоре облетели всю Европу и вызвали оживленные комментарии в печати. Гарибальди произнес тост, в котором подчеркнул свою неизменную солидарность с революционной Россией и Польшей. Он приветствовал борьбу русского народа против царского самодержавия, предвидел великую будущность нашей страны, ее роль в освободительном движении народов мира. Гарибальди провозгласил тост «...за юную Россию, которая страдает и борется, как мы, и победит, как мы, за новый народ, который, освободившись и одолев Россию царскую, очевидно, призван играть великую роль в судьбах Европы»²³.

¹⁹ А. И. Герцен. Соч. Т. XIV. Птрг. 1920, стр. 525. Отметим, что очерк «*Camicià rossa*» написан так превосходно, что редакция газеты «Unità» — центрального органа Итальянской коммунистической партии — сочла необходимым поместить большую часть из него в юбилейном номере газеты (см. «Unità», 4 июля 1957 года).

²⁰ Там же, стр. 526.

²¹ Там же, стр. 527.

²² Там же, стр. 529.

²³ А. И. Герцен. Соч. Т. XVII. Птрг. 1922, стр. 161. В сочинениях Гарибальди приводится иной, более сокращенный вариант этого тоста на основе записи Гверцони. См. G. Garibaldi. Scritti e discorsi politici e militari. Vol. II. Edizione nazionale degli scritti di G. Garibaldi. Bologna, 1935, p. 230.

Герцен был настолько взволнован, что не мог даже выступить и, как свидетельствует Гверцони, сказал только «несколько несвязных слов»²⁴.

До конца своих дней Герцен остался близким другом Гарибальди. Если в отношении Чернышевского и Добролюбова трудно говорить об их влиянии на итальянскую революционную демократию времен Рисорджименто, то о Герцене мы смело можем это утверждать. Герцен, который в течение многих лет близко общался с Мадзини и Гарибальди, безусловно, оказал большое воздействие на идеологию этих вождей национально-освободительного движения Италии. В том, что Гарибальди обнаруживал известное понимание значения крестьянского вопроса в революции, безусловно, сказывались беседы с ним идеолога крестьянской революции Герцена. Как настойчиво Герцен старался привить Гарибальди свои взгляды, видно из письма его к последнему от 21 ноября 1863 года. Здесь Герцен подробно излагает свою аграрную теорию²⁵. Это письмо как бы завершает все предыдущие беседы его с Гарибальди о крестьянстве. «Мы,— писал Герцен,— вместе с крестьянином говорим: «Нет воли без земли» и прибавляем только, что «земля не крепка без воли».

Революционная решимость Гарибальди, в свою очередь, не могла не подействовать на взгляды Герцена.

Большой интерес к национально-освободительному движению в Италии проявляли Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. С пристальным вниманием следили они за революционными событиями 1859—1860 годов. В разных отделах «Современника», в «Свистке» в политическом обозрении то и дело появлялись статьи Чернышевского и Добролюбова на итальянские темы. Особое внимание их привлекали походы Гарибальди — как в 1859, так и в 1860 году. «Дивная энергия, выказанная волонтерами Гарибальди, была выражением народных сил Италии», — писал Чернышевский по поводу походов Гарибальди в 1859 году²⁶. Обсуждая вопрос о революции в Италии, популяризируя партизанские методы ведения войны, применяемые волонтерами Гарибальди, Чернышевский и Добролюбов имели в виду в то же время положение русского народа и перспективы революции в России. М. А. Антонович, деятель некрасовского «Современника», друг Чернышевского и Добролюбова, хорошо знавший, как и почему писались статьи для журнала, справедливо утверждал, что в статьях Добролюбова об итальянских сюжетах «заметны даже довольно прозрачные кивания на домашние дела»²⁷.

Чернышевский и Добролюбов сумели разобраться в расстановке политических сил в Италии; в своих статьях они показывают народное гарибальдийское движение и движение либералов, стремившихся обуздать народ, воспользоваться патриотическими устремлениями широких масс итальянцев. Чернышевский и Добролюбов разоблачали своекорыстную династическую политику сардинской монархии и ее «великого визира» — графа Кавура, который «не упускал случая воспользоваться даже и революцией для расширения своего значения»²⁸.

²⁴ См. G. Guerzoni. Garibaldi. Libro di lettura per il popolo italiano. Firenze. 1918, p. 341.

²⁵ А. И. Герцен. Соч. Т. XVI. Птрг. 1920, стр. 526—531.

²⁶ Н. Г. Чернышевский и. Соч. Т. 6. М. 1949, стр. 326.

²⁷ М. А. Антонович. Воспоминания. М.-Л. 1933, стр. 171.

²⁸ Н. А. Добролюбов. Непостижимая странность. Соч. Т. V. М. 1941, стр. 57—58. Отметим, что почти все итальянские биографы Гарибальди обходят вопрос о русских связях Гарибальди, об участии в гарибальдийском движении некоторых видных общественных деятелей России; также игнорируют буржуазные историки Италии статьи Чернышевского и Добролюбова об итальянских сюжетах, которые до сих пор не потеряли своего значения при изучении Risorgimento. Исключение составляют появившиеся в последнее время работы прогрессивного итальянского историка, профессора Франко Вентури (F. Venturi. Il populismo russo. Vol. I—II. Torino. 1952; это же. Il moto decabrista e i fratelli Poggio. Torino. 1956). Автор рассматривает революционное движение в России как часть общеевропейского и отмечает связь русских

Отметим попутно, что выдающийся писатель И. С. Тургенев, который в начале 60-х годов особо надеялся на либеральные реформы в России — и не только в России,— был несогласен с резкой критикой революционными демократами итальянских умеренных либералов. По поводу статьи Добролюбова «Из Турина», в которой Кавур подвергался уничтожающей критике, Тургенев писал позже: «Белинский никогда бы не позволил себе той ошибки, в которую впал даровитый Добролюбов: он не стал бы, например, с ожесточением бранить Кавура...»²⁹.

Но Тургенев, так же как и Чернышевский и Добролюбов, восхищался революционными подвигами Гарибальди и, как увидим ниже, следил за походами героя с пристальным вниманием.

Статьи Добролюбова об итальянских делах особенно ценны тем, что он их писал как очевидец в качестве корреспондентий для «Современника»³⁰. В мае 1860 г. по настояниям Чернышевского и Некрасова Добролюбов поехал за границу лечиться. В это время начался славный поход гарибальдийской «Тысячи». Уделив некоторое время лечению в Швейцарии и на юге Франции, Добролюбов спешит в Италию. В Неаполе и Милане, в Риме и Венеции, Мессине и во Флоренции, в Генуе и Турине, в Палермо и Ливорно — всюду, где происходили революционные события, побывал Добролюбов. С большим вниманием следил он за каждым шагом в продвижении «Тысячи» и радовался успехам гарибальдийцев. Еще находясь во Франции, Добролюбов писал в письме к Некрасову от 23 августа 1860 г.: «...Вот человек, не уступивший пошлости, а сохранивший свято свою идею; зато люблю читать каждую строчку, адресованную им к солдатам, к своим друзьям, к королю: везде такое спокойствие, такая уверенность, такой светлый тон!.. Очевидно, этот человек должен чувствовать, что он не загубил свою жизнь, и должен быть счастливее нас с Вами...»³¹.

Когда Добролюбов прибыл в Италию, он поспешил на юг, на главную арену революционных событий. К этому времени армия Гарибальди уже заняла Неаполь, и династия Бурбонов была окончательно низвержена. В Неаполе тогда был очень популярен священник Александр Гавацци — талантливый оратор, ревностный сторонник Гарибальди, сопровождавший его армию на юге Италии. Добролюбов написал статью о Гавацци, где с увлечением рассказывал о том, как плечистый проповедник с рыжей бородой, в полувоенном, полумонашеском одеянии, с револьвером за поясом, появлялся на площадях, улицах, в храмах, везде, где был народ, чтобы произносить свои речи. Добролюбов одобрительно цитирует его тирады, направленные против Бурбонов, воздающие славу Гарибальди:

революционных демократов с итальянскими, в частности с Гарибальди. Автор превосходно знает труды русских революционных демократов и литературу о них, сочувственно отмечает критику Чернышевским и Добролюбовым итальянских либералов, поддержку ими партии Мадзини и Гарибальди. Ставя очень высоко Чернышевского, автор указывает, что Добролюбов в своих статьях об Италии «проводил линию политики Чернышевского» (F. Venturi. Il populismo russo. Vol. I, p. 277). Высокий уровень исследований Ф. Вентури отмечен чл.-корр. АН СССР М. В. Нечкиной (см. «Вопросы истории». 1957, № 3, стр. 166).

²⁹ См. И. С. Тургенев. Воспоминания о Белинском. Соч. Т. X. СПб. 1911. стр. 31.

³⁰ На ценность статей Добролюбова об Италии в свое время указывал Е. В. Тарле. «Добролюбов,— писал он,— пережил, передумал и перечувствовал именно ту эпоху итальянского Risorgimento, которая больше всего отмечена печатью народного одушевления и окутана поэтической легендой. Если бы итальянское общество знало статьи Добролюбова и герценовскую *Camicia rossa*, оно бы убедилось, что лучшие представители двух русских поколений всем сердцем переживали великую историческую драму 1859—1861 гг.» (см. Е. В. Тарле. Статьи Добролюбова об итальянских делах. Полное собрание сочинений Н. А. Добролюбова под ред. Е. В. Аничкова. Т. VIII. СПб. 1913, стр. 159—171); о значении указанных статей Добролюбова в наше время писал С. Д. Сказкин. Кавур и воссоединение Италии. «Историк-марксист». 1935, № 5—6, стр. 99.

³¹ См. журнал «Книга и революция». 1921, № 2(14), стр. 72. (В полное собрание сочинений Н. А. Добролюбова это письмо не включено.)

«Кто принес торжество сицилийскому восстанию? Кто увенчал триумфом неаполитанскую революцию...? Герой Гарибальди (в толпе: viva Garibaldi). Без Гарибальди страна Обейх Сицилий до сих пор еще находилась бы в цепях. К нему, к нему обращается признательность сердец наших. Да здравствует Гарибальди! (Толпа несколько раз повторяет тот же крик). А кто сопутствовал Гарибальди в его сицилийской экспедиции? Кто сопровождал его через Калабрию до самого Неаполя? Молодежь итальянская... Они слышали, — эти храбрые юноши, стоны страдальцев, клики восстающих, и они пожертвовали, по большей части своим спокойствием, своими удовольствиями, цветом своей юности... Они бросились на призыв Гарибальди, имея в виду не награды, не почести, не места, а страдания, изнурения, недостатки... И они восторжествовали!»³².

Добролюбов подверг уничтожающей критике Кавура с его дипломатическими маневрами, стремлением воссоединить Италию при помощи династических сделок с Наполеоном III³³, сочувственно приводил речь А. Гавацци, где разоблачается дипломатия либералов и воздается должное революционным силам во главе с Гарибальди: «Друзья мои! Только революция может «создать Италию». Дипломатия никогда ее не создаст. Если революция создаст Италию, дипломатия вынуждена будет признать ее, как совершившийся факт, но если мы сами не создадим Италию, дипломатия разделит нас еще раз и не допустит единой Италии, потому что слишком боится ее... (Хорошо, браво!) Итак, между Гарибальди и дипломатией — целая пропасть... Гарибальди представляет собою нашу победоносную революцию, которая означает восстановление прав народа против злоупотреблений властителей... А дипломатия означает — восстановление прав герцогов и короля против прав народа... (Единодушные крики одобрения в толпе)»³⁴.

Статья Добролюбова о Гавацци носит характер яркого памфлета, направленного против реакции и деспотизма и на примере подвигов Гарибальди, в сущности, призывавшего к таким же выступлениям и русский народ.

Нужно отметить, что Добролюбов в своих статьях об Италии не только восхищался Гарибальди, но указывал и на некоторые его недостатки, ошибки. Он отмечал, например, оторванность партии Мадзини и Гарибальди от масс, писал, что она «не связана с народом практически»³⁵. Молодой Добролюбов критиковал Гарибальди за колебания и нерешительность в проведении революционных мероприятий в бытность его диктатором юга. Так, например, Добролюбов упрекал Гарибальди за отказ выполнить требование народных масс Неаполя о разрушении известной тюрьмы Сент-Эльмо, в которой побывали тысячи узников и которая сохранилась в Неаполе после революции, «как будто грозя его новорожденной свободе»³⁶.

Однако мы не можем согласиться с мнением С. А. Покровского, утверждающего, что во время пребывания в Италии Добролюбов «наладил связь с партией действия», давал советы, которые «помогли радикальному крылу партии действия ставить вопросы аграрной революции в качестве основного содержания национально-освободительной борьбы»³⁷. В советских архивохранилищах мы до сих пор не нашли никаких данных, которые могли бы подтвердить прямую связь Добролюбова с деятелями национально-освободительного движения Италии. Кстати,

³² Н. А. Добролюбов. Отец Александр Гавацци и его проповеди. Соч. Т. V. М. 1941, стр. 112.

³³ В статье «Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура» (Соч. Т. V. М. 1941)

³⁴ Н. А. Добролюбов. Отец Александр Гавацци и его проповеди, стр. 122.

³⁵ Н. А. Добролюбов. Из Турина. Соч. Т. V, стр. 85.

³⁶ Н. А. Добролюбов. Отец Александр Гавацци и его проповеди, стр. 123.

³⁷ См. С. А. Покровский. Политические и правовые взгляды Чернышевского и Добролюбова. М. 1952, стр. 99.

С. А. Покровский также не приводит никаких фактов для подкрепления своего мнения.

Н. Г. Чернышевский в политических обозрениях для «Современника» уделял много внимания военной тактике Гарибальди, внимательно следя за продвижением волонтеров, начиная с ломбардской кампании 1859 года. Великий русский революционный демократ радовался успехам гарибальдийцев и огорчался по поводу их временных поражений. Когда в мае 1859 г. во время австро-франко-итальянской войны командование пьемонтской армии поставило отряд Гарибальди на особенно тяжелый участок фронта в Лонато и в Трепonti, не обеспечив его ни оружием, ни продовольствием, Чернышевский писал, что Гарибальди специально ставят в такие условия, дабы обеспечить его погибель³⁸.

Интересно отметить: Маркс и Энгельс также считали, что Гарибальди нарочно посылают на такие позиции, где он должен погибнуть³⁹. По многим другим вопросам национально-освободительного движения в Италии и деятельности Гарибальди мнение Чернышевского и Добролюбова совпадает с мнением Маркса и Энгельса.

С большой теплотой и гордостью Чернышевский отзывался о гарибальдийской «Тысяче»: «...Эти тысяча человек, — люди, закаленные в битвах, отборнейшие солдаты, каких только можно найти, ...ни один из них не отступит шага, ни один не сдастся в плен, каждый будет сражаться до последнего дыхания и дорого продаст свою жизнь»⁴⁰.

В своих обзорах Чернышевский не раз отмечал глубокую разницу между политикой Кавура в борьбе за объединение Италии и политикой Гарибальди: «...Вражда Кавура и Гарибальди — это вражда двух партий, из которых одна полагает, что для создания итальянского единства и величия надобно действовать революционным путем, другая надеется держаться только с разрешения императора французов»⁴¹.

Будучи целиком на стороне Гарибальди, Чернышевский все же сумел подметить слабости движения, возглавляемого им, прежде всего недостаточное участие народных масс⁴², как следствие ошибочной политики партии Мадзини — Гарибальди по аграрному вопросу. В случае поражения движения, указывал Чернышевский, «страшная судьба ждет патриотов Италии» от мести реставраторов. «Победить реакцию... вы можете только усвоив себе стремление массы низших бедных темных соотечественников поселян и городских простолюдинов, — писал он, как бы обращаясь к Мадзини и Гарибальди. — Или примите в ваши программы аграрные перевороты, или вперед знайте, что вы обречены на погибель от реакции»⁴³. В этих словах заключается основное в критике русскими революционными демократами Гарибальди и его партии. И, повторяем, эта критика Чернышевского ошибочной политики итальянских демократов по аграрному вопросу целиком совпадает с точкой зрения Маркса по этому же вопросу⁴⁴. Важно, однако, иметь в виду не только общее, но и различное в оценке деятельности Гарибальди (и Мадзини) русскими революционными демократами и основоположниками марксизма. Правильно в основном оценивая политическую обстановку в Италии 1859—1860 гг., Чернышевский и Добролюбов в отличие от Маркса и Энгельса не стояли на классовых позициях пролетариата и не смогли дать глубокого классового анализа явлений, вскрыть причины ошибочной политики республиканской партии по отдельным вопросам; они не видели буржуазную ограниченность революционных вождей Италии того времени.

³⁸ Н. Г. Чернышевский. Соч. Т. VI. М. 1949, стр. 264.

³⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI, ч. 2-я, стр. 183; т. XXII, стр. 415.

⁴⁰ Н. Г. Чернышевский. Соч. Т. VIII. М. 1950, стр. 182.

⁴¹ Там же, стр. 294.

⁴² Там же, стр. 312.

⁴³ Н. Г. Чернышевский. Соч. Т. VI. М. 1949, стр. 370.

⁴⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXV, стр. 112.

Свою точку зрения об итальянских событиях Чернышевский и Добролюбов отстаивали в спорах с русскими либералами, которые всячески превозносили дипломатию Кавура и порицали Гарибальди, его партию. Либеральные публицисты вели резкую полемику с Чернышевским и Добролюбовым по поводу их статей о событиях в Италии. Так, М. Н. Катков упрекал Чернышевского за одобрение им деятельности Гарибальди и назвал его «прогрессистом»; а М. Капустин, стараясь принизить роль Гарибальди, писал, что последний — «только орудие в руках» Кавура⁴⁵.

Последовательное отстаивание демократических интересов, правдивое освещение итальянских событий русскими революционерами-демократами дали свои плоды. По свидетельству известного русского издателя и общественного деятеля Л. Ф. Пантелеева, Гарибальди «быстро завоевал себе популярность во всех концах необъятной России». «...Имя Гарибальди было не только окружено ореолом неувядаемой славы, но и являлось символом грядущего освобождения всех угнетенных народов»⁴⁶.

Интересный факт о популярности Гарибальди среди простого народа России приводит Герцен в письме к Гарибальди от 21 ноября 1863 г., ссылаясь при этом на сборник «Материалы к истории освобождения крестьян». Один извозчик в Петербурге, услышав о предстоящем освобождении крестьян, усомнился в этом и сказал своему клиенту: «Разве уж когда приедет господин Гарибардов». Герцен указывает, что на Украине и в Польше народ ждал Гарибальди⁴⁷.

Гарибальди снискал себе симпатии не только среди широких демократических кругов России, но и среди некоторых кругов чиновничества, военных деятелей. Известный военный деятель Н. Н. Обручев, посетивший Италию в 1861 г., был в Милане как раз в те дни, когда там отмечалась первая годовщина освобождения Неаполя и устраивалась иллюминация в честь Гарибальди. Под свежим впечатлением Обручев в письме к Н. П. Огареву выразил глубокие симпатии к Гарибальди. Иронизируя над стремлением итальянского короля использовать популярность Гарибальди в своих интересах, Обручев писал, что народ всюду вывешивает такие портреты Гарибальди, которые «не могут нравиться Виктору-Эммануилу с компанией, ...везде красуется Капрера со своим жильцом, держащим в руке лопату и с грустью склоняющим голову (т. е. Гарибальди, занимающийся сельским хозяйством.— В. Н.)»⁴⁸. И автор письма выражал надежду, что итальянскому правительству не удастся превратить гарибальдийское движение в свое орудие.

Мелкий чиновник из Полтавы — А. И. Ничипоренко — намеревался летом 1862 г. поехать к Гарибальди на Капреру, чтобы включиться в национально-освободительную борьбу. Вначале он побывал в Лондоне, где заручился рекомендательными письмами от Герцена и экс-триумвира Римской республики А. Саффи, и затем, захватив с собой прокламации, направился к Гарибальди. Но ввиду тщательного обыска на австро-итальянской границе Ничипоренко на Капреру не поехал, а вернулся обратно в Россию. Здесь он вскоре был арестован по доносу австрийской полиции⁴⁹.

Как только начался поход славной «Тысячи» (5 мая 1860 г.), революционная молодежь многих стран Европы начала собираться под знамена Гарибальди. Бок о бок с итальянцами сражалась молодежь

⁴⁵ См. журнал «Русский вестник». 1860, № 7, стр. 6; 1861, № 7—8, стр. 70. Антиреволюционную и антигарибальдийскую пропаганду русской правой периодической печати того времени мы опускаем.

⁴⁶ Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. М.-Л. 1934, стр. 235, 570—571.

⁴⁷ А. И. Герцен. Соч. Т. XVI. Птрг. 1920, стр. 527.

⁴⁸ См. «Литературное наследство». Т. 62. М. 1955, стр. 418.

⁴⁹ F. Venturi. Il populismo russo. Vol. I. 1952, p. 438.

венгерская, французская, английская, швейцарская, польская, а также украинская и русская. Не все желавшие могли попасть в отряд Гарибальди. Так, узник Петропавловской крепости русский офицер М. Бейдеман в своих показаниях Сенатской комиссии говорил, что его стремление попасть в ряды Гарибальди не осуществилось, и он вынужден был после побега из Финляндии остаться в Швеции⁵⁰.

Поход Гарибальди вызвал живой интерес передовой мыслящей России. По-разному отнеслись к революционным событиям в Италии (и к Гарибальди) различные общественные слои России, о чем свидетельствует периодическая печать того времени. Н. Г. Чернышевский подверг резкой критике тех писак, которые ранее называли Гарибальди разбойником, а после его славных побед на юге Италии начали преклоняться перед ним⁵¹. Вот как вынуждены были сообщать о Гарибальди даже реакционные «Санкт-Петербургские ведомости», считаясь с настроением широких читательских кругов: «Вся Европа с нетерпением смотрит на одного человека, в ожидании, чем кончится задуманное им дело. Гарибальди приковывает, в настоящую минуту, к себе взоры всех, в его руках не только судьба Сицилии и Неаполя, но и всей Италии и — как знать — может быть, значительной части Европы»⁵².

Одним из выдающихся русских гарибальдийцев являлся Л. И. Мечников, известный ученый-географ и общественный деятель. Во время похода «Тысячи» Мечников находился в Италии. Но он не успел попасть в первую экспедицию, отправившуюся из Генуи 5 мая, и прикнул к одному из дополнительных отрядов, организованных помощниками Гарибальди в разных городах Италии. Мечников вступил в отряд полковника Дж. Никотера, который вышел из Ливорно 30 августа и прибыл в Неаполь в начале сентября, уже после взятия города. Когда наш соотечественник был представлен Гарибальди, последний отдал приказ о зачислении его в штаб и назначении его своим личным адъютантом⁵³.

В это время подготавливалось крупное сражение на Волтурно, приведшее к полному разгрому армии Бурбонов. Гарибальди поручил Мечникову укрепить очень важную позицию у гор. Санта-Мария, что он отлично выполнил⁵⁴. В битве на Волтурно 1 октября 1860 г. Мечников был тяжело ранен⁵⁵ и остался больным на всю жизнь. Участие Мечникова в революционном движении Италии не ограничилось чисто военной деятельностью. Он занимался революционной пропагандой в городах Италии, был организатором кружка молодежи, мечтавшей приобрести земельный участок для устройства трудовой коммуны⁵⁶. Восторженный гарибальдиец, Л. Мечников с радостью отмечал симпатии

⁵⁰ См. М. Лемке. Комментарии к сочинениям Герцена. Текст показаний Бейдемана. А. И. Герцен. Соч. Т. XI. 1919, стр. 440. Неправильно утверждение Н. В. Шелгунова о том, что Бейдеман сражался в рядах Гарибальди (см. Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.-П. 1923, стр. 87).

⁵¹ Н. Г. Чернышевский. Соч. Т. VIII. 1950, стр. 143.

⁵² Газета «Санкт-Петербургские ведомости», 20 мая 1860 года.

⁵³ Л. И. Мечников. Записки гарибальдийца. «Русский вестник». 1861, т. № IX (т. 35), стр. 155 (статья помещена за подписью «М»).

⁵⁴ Там же, стр. 160.

⁵⁵ Там же, стр. 179, 189. Об участии Л. И. Мечникова в отряде Гарибальди докладывал министру иностранных дел Горчакову русский посол в королевстве Обеих Сицилий князь Волконский в депеше от 8 декабря 1860 года. Излагая подробно биографию Мечникова, посол писал, что Мечников — «беспутный, ученый, красный республиканец и опасный человек». Он был в отряде экспедиции Никотера и участвовал в битве 1 октября» (см. Архив внешней политики России, ф. Канцелярии, д. 123, лл. 145—146).

⁵⁶ Об этом рассказывает жена брата Л. И. Мечникова О. Н. Мечникова в своей книге «Жизнь Ильи Ильича Мечникова». М.-Л. 1926, стр. 38. Отметим, что Л. И. Мечников испытывал на себе влияние идей Бакунина.

крестьян к гарибальдийскому движению и огорчался тем, что Гарибальди не успел ничего сделать для улучшения их быта⁵⁷.

Авторитет и способности Гарибальди Мечников хотел использовать для оказания помощи польскому освободительному движению. Через М. Бакунина польские эмигранты обратились к Мечникову с тем, чтобы он просил Гарибальди оказать им содействие в организации экспедиции в Польшу. Мечников ездил по этому поводу к Гарибальди, который обещал помочь. Экспедиция сорвалась, потому что была плохо организована⁵⁸.

Летом 1862 г. Гарибальди задумал новый поход на Рим, чтоб освободить его от папской власти и воссоединить с остальной Италией. Гарибальди бросил клич: «Рим или смерть!». Со всех концов страны начали стекаться добровольцы в отряд Гарибальди. Отряд успел пройти всю Сицилию, перебрался на материк и продвигался с юга на север, по направлению к Риму. «Любящий» Гарибальди король Виктор-Эммануил II выпустил прокламацию, в которой народный герой объявлялся «мятежником», и приказал генералу Чимальдини двинуться с корпусом вооруженных до зубов солдат против гарибальдийцев. У горы Аспромонте произошло столкновение волонтеров с королевской армией. Гарибальди был дважды ранен — в левую и правую ноги. Это было самое тяжелое из всех десяти ранений, полученных Гарибальди во время походов. Захваченного в плен героя отправили в Специю. Состояние Гарибальди вызвало у врачей опасение за его жизнь. Долго и почти безрезультатно его лечили многие врачи, в том числе знаменитый итальянский хирург Цанетти и француз Нематон. Предлагали отнять ногу, но Гарибальди не соглашался.

Как раз в это время в Гейдельберге находилась колония молодых русских врачей, занимавшихся под руководством Н. И. Пирогова практикой для подготовки к профессорской деятельности в отечественных университетах. Узнав о тяжелом состоянии Гарибальди, русские медики в Гейдельберге организовали сходку, чтобы обсудить вопрос об оказании помощи больному. Сходка постановила: просить Н. И. Пирогова поехать в Специю для консультаций и лечения Гарибальди. Но Пирогов опасался, примут ли его. Тогда старший колонии Л. Н. Модзалевский послал телеграммой запрос в Специю. Ответ пришел положительный. Молодые русские медики организовали подписку и собрали 1 тыс. франков для поездки Н. И. Пирогова.

В конце октября Н. И. Пирогов уехал в Специю, где был хорошо принят как врачами, так и Гарибальди. Талантливый русский хирург сразу определил место нахождения пули и предложил правильный метод лечения. В своем отчете о лечении Гарибальди Пирогов писал: «31 октября я увидел знаменитую рану... За день было на консультации 17 итальянских врачей... Больной Гарибальди, точно так же, как и здоровый, не перестает быть предметом действий различных партий. Что же мудреного, если и раненая его нога служит предметом национальных увлечений, надежд и опасений...»⁵⁹. Вскоре Пирогову удалось из-

⁵⁷ См. Леон Бранде (псевдоним Л. Мечникова — В. Н.), Капрера. «Современник», 1862, март. Т. 92, стр. 10. Значение этой статьи Л. Мечникова отмечает F. Venturi. Il populismo russo. Vol. I, p. 277.

⁵⁸ См. воспоминания Л. И. Мечникова в «Историческом вестнике», 1897, № 3, стр. 824—825 и письмо Мечникова к Щедрину. «Литературное наследство». Т. 13—14. 1933, стр. 361—362.

⁵⁹ См. «Русский врач», 1916. № 10. Т. XV, стр. 219—220. Чувства, о которых пишет великий хирург, разделял и И. С. Тургенев, писавший по поводу этого похода Гарибальди и его ранения: «...А каков Гарибальди? С невольным трепетом следишь за каждым движением этого последнего из героев. Неужели Брут, который не только в истории всегда, но даже и у Шекспира гибнет, — восторгается? Не верится, а душа замирает...» (письмо к А. И. Герцену от 27 августа 1862 г.; см. «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену, с предисловием и примечаниями М. Дра-

влечь пулю, что обеспечило доведение лечения до благополучного конца. Тем русским, кто с тревогой следил за болезнью Гарибальди, отменно было читать слова Пирогова: «Все почитатели его могут быть спокойны: ни жизнь, ни нога его не находятся в опасности»⁶⁰. Десять лет спустя Гарибальди тепло писал о своей благодарности Пирогову в предисловии к собственным воспоминаниям⁶¹.

Н. И. Пирогов, излечивший народного героя Италии, снискал горячую признательность прогрессивной молодежи России. Много лет спустя Л. Н. Модзалевский писал: «Все русские были в восторге от Пирогова, ибо к этому примешивалось кое-что политическое... Его поездка к Гарибальди еще выше подняла его в глазах здешних и русских»⁶². Не удивительно, что царское правительство усомнилось в «политической благонадежности» великого хирурга⁶³.

В менее значительных (чем поход «Тысячи») кампаниях Гарибальди 1860-х годов также принимали то или иное участие русские люди. Правда, во время этих походов, как и в 1860 г., находились такие, которые, по образному выражению нашего великого сатирика Салтыкова-Щедрина, хотели только «потереться» вокруг Гарибальди⁶⁴. Это были состоятельные туристы, художники и др., кои во время гарибальдийского движения случайно оказались в Италии и поспешили в штаб Гарибальди лишь для того, чтобы «посмотреть на него» или получить его автограф. Многие из них хвастали затем автографом героя и распространяли всякие небылицы о нем в периодической печати. Этим охотников за сенсациями Щедрин метко называл «чулящими людьми». О них мы говорить не будем.

Иные же действительно принимали хотя кратковременное, но весьма активное участие в гарибальдийском движении. К ним, например, относится известный ученый-палеонтолог, участник революционного движения в России В. О. Ковалевский. Во время австро-прусской войны 1866 г., в которой принимала участие также Италия, он сражался в отряде Гарибальди, нанесяшем ошеломляющие удары по австрийской армии⁶⁵. Яркие корреспонденции В. О. Ковалевского о сражениях гарибальдийцев печатались в «Санкт-Петербургских ведомостях»⁶⁶.

Походы Гарибальди привлекали к себе внимание таких выдающихся революционных деятелей, каким являлся Г. А. Лопатин — один из первых социалистов в России, впоследствии член Генерального Совета I Интернационала, переводчик «Капитала» Маркса. Как-то в октябре 1867 г. Лопатин прочитал в газете, что Гарибальди бежал с Капреры для похода на Рим. Вечером того же дня Лопатин покинул Петербург и нелегально отправился за границу, чтобы встать в ряды Гарибальди. Он прибыл во Флоренцию, когда отряд Гарибальди потерпел сильное поражение в битве при Ментане с соединенной папско-французской

гоманова». Genève. 1892, стр. 149). А по поводу ранения Гарибальди Тургенев писал в письме к Фету от 4 сентября 1862 г.: «...На последних словах... меня застало известие о плачевном конце предприятия Гарибальди, и я не мог более писать. Хотя мне хорошо известно, что роль честных людей на этом свете состоит почти исключительно в том, чтобы погибнуть с достоинством... Однако мне все-таки стало тяжело...» (см. А. Фет. Мои воспоминания. М. 1890, ч. 1-я, стр. 404). Отметим, что указанные два письма Тургенева в изданные до сих пор собрания сочинений его не вошли.

⁶⁰ «Русский врач». 1916. № 10. Т. XV, стр. 220.

⁶¹ G. Garibaldi. Memorie. Edizione nazionale degli scritti di G. Garibaldi. Vol. II. Bologna. 1932, p. 13.

⁶² См. статью С. Я. Штрайх. Письмо Н. И. Пирогова о ране Giuseppe Garibaldi. «Русский врач», 1916, № 10, Т. XV, стр. 217—218.

⁶³ См. А. Геселевич. Научное, литературное и эпистолярное наследие Н. И. Пирогова. М. 1956, стр. 192.

⁶⁴ См. М. Е. Салтыков-Щедрин. Соч. Т. 6. М. 1941, стр. 126.

⁶⁵ См. «Литературное наследство». Т. 62. М. 1955, стр. 266.

⁶⁶ См. «Санкт-Петербургские ведомости», №№ 196—206 за 1866 год.

армией (3 ноября)⁶⁷. Поход Гарибальди был, как известно, безуспешным, Лопатину не пришлось принять участия в нем.

Ореолом славы среди русской интеллигенции 60-х годов окружена была известная писательница, редактор детских журналов А. Н. Толиверова-Якоби. Находясь в Риме во время последнего похода Гарибальди в Италии в 1867 г., она включилась в активную работу среди римских гарибальдийцев. Толиверова стала знаменитой тем, что спасла от смерти адъютанта Гарибальди. Тогда в Риме очень опасно было высказывать открыто свое сочувствие гарибальдийскому движению, особенно для русского. Папские власти питали ненависть к освободительному движению 60-х годов в России и всячески преследовали русских: им запрещалось говорить на родном языке на улицах и в общественных местах, запрещалось богослужение в русских церквях. Но отважная «шестидесятница» не испугалась папского террора и рисковала своей жизнью ради торжества революционного дела.

Позже Толиверова рассказывала о положении в Риме: «Кровь и ужас, ужас гонения. Восстание за восстанием, но теперь уже не против чужеземцев, захватывавших прекрасную страну, а против своего, итальянского правительства. Сколько комитетов для освобождения Рима от папской власти! Всюду раздавались горячие призывы против монахов»⁶⁸.

Против Гарибальди двинулись войска трех армий: папской, французской и итальянской. Гарибальдийцы вынуждены были отступить из Папской области на территорию итальянского королевства. Паписты захватили в плен много волонтеров, в подавляющем большинстве раненых. Госпитали Рима и тюрьмы были переполнены гарибальдийцами. А. Н. Толиверова с глубоким волнением следила за каждым сражением и регулярно вела дневник событий. Она ходила в Риме к знакомым русским и незнакомым итальянцам и собирала для раненых продовольствие, одежду и деньги. Затем ею овладела мысль «посвятить себя уходу за ранеными пленными гарибальдийцами»⁶⁹. С трудом ей удалось получить разрешение военного министра поступить на работу в один из военных госпиталей в качестве сестры милосердия.

Из опубликованных в трех номерах журнала «Неделя» за 1870 г. воспоминаний Толиверовой мы очень мало узнаем о ее деятельности среди гарибальдийцев в Риме. (Вполне понятно, что по конспиративным соображениям она о многом умалчивала.) Сведения об этом содержат опубликованные воспоминания ее друзей, которым она подробно рассказывала о своих делах. Близкими ее друзьями были: известный публицист и общественный деятель Н. В. Шелгунов, видный педагог и критик В. П. Острогорский и старейший советский писатель Ал. Алтаев (псевдоним М. В. Ямщиковой).

После неудачного сражения при Ментане был арестован и приговорен к смертной казни адъютант Гарибальди Луиджи Кастеллацци. Он содержался в самой страшной тюрьме Рима — Сан-Мишель. Гарибальди разработал план организации его побега и подыскивал наиболее подходящего человека, который мог бы проникнуть в тюрьму для передачи Кастеллацци записки. Зная храбрость А. Н. Толиверовой, Гарибальди решил поручить это дело ей. Через своего друга, известную немецкую писательницу Шварц, Гарибальди передал Толиверовой письмо и записку к Кастеллацци с планом побега. Толиверова взялась выполнить опасное поручение. В своем дневнике она записала: «Я решила, что завтра пойду в тюрьму Сан-Мишель и употреблю все силы, чтобы увидеть Кастеллацци»⁷⁰.

⁶⁷ См. F. Venturi. Il populismo russo. Vol. I, pp. 580—581.

⁶⁸ См. Ал. Алтаев. Памятные встречи. М. 1955, стр. 191.

⁶⁹ См. А. Якоби. Между гарибальдийцами (из воспоминаний русской). Журнал «Неделя». 1870, № 22, стр. 723.

⁷⁰ См. Ал. Алтаев. Указ. соч., стр. 213.

Сцена передачи записки подробно и интересно описана Шелгуновым: «Она (Толиверова-Якоби.— В. Н.) отправилась к коменданту, всеми святыми умоляла его о последнем свидании, расплакалась, и комендант, не устояв против слез молодой красивой женщины, разрешил свидание. Когда перед Якоби открылись двери тюрьмы, она, не дав опомниться заключенному, кинулась на него с открытыми объятиями, начала целовать его и сунула ему за шею записочку»⁷¹. Побег Каstellаци удался.

Гарибальди был лично знаком с отважной русской женщиной и высоко ценил ее. По свидетельству Острогорского, года через три после этого Толиверова ездила к Гарибальди на Капреру⁷².

Шелгунов, хорошо знавший состояние умов русской интеллигенции того времени, указывает, что Толиверова рисковала жизнью не по причине какого-то мимолетного порыва: поступок ее отражал «общее настроение того времени»⁷³.

После возвращения на родину Толиверова никогда не забывала славные подвиги гарибальдийцев. Она сохранила на всю жизнь некоторые реликвии, привезенные из Италии. В квартире у нее на стенах висели портреты Гарибальди и красная рубашка, залитая кровью, подаренная раненым гарибальдийцем. В 1872 г. Гарибальди написал Толиверовой теплое письмо, полное симпатии к русскому народу. Оно до сих пор неизвестно итальянским биографам Гарибальди.

Ниже мы впервые публикуем полностью его перевод с итальянского языка:

«Капрера, 24 июля 1872 г.

Синьора Александра!

О современном правительстве России скажу лишь одно, что ее нынешний государь может хвастаться освобождением крестьян, которое надеемся увидеть осуществленным. Такой ореол славы, конечно, предпочтительнее всяким завоеваниям.

Через Вас я шлю сердечный и искренний привет Вашему храброму народу, который будет играть столь большую роль в грядущих судьбах мира.

Всегда Ваш Дж. Гарибальди»⁷⁴.

Отметим, что в этом письме нашли свое отражение либеральные иллюзии Гарибальди, его совершенно беспочвенная, наивная вера в «освободительную миссию» Александра II. В письме к Герцену от 13 апреля 1864 г. Гарибальди в том же либеральном духе указывал, что манифест об освобождении крестьян якобы был принят «с восторгом и удивлением всей Европой»⁷⁵.

В письме к Толиверовой и чувствуется отзвук подобных рассуждений.

Говоря об отношении русских людей к гарибальдийскому движению, нельзя умолчать о М. А. Бакунине.

В силу исторических условий глубоко ошибочная, крайне вредная

⁷¹ Н. В. Шелгунов. Указ. соч., стр. 86.

⁷² См. Ал. Алтаев. Указ. соч., стр. 209.

⁷³ Н. В. Шелгунов. Указ. соч., стр. 86.

⁷⁴ Подлинник письма хранится в Ленинградском институте русской литературы (бывший Пушкинский дом). Приводим текст его в оригинале:

Signora Alessandrina!

Nulla dirò del governo presente della Russia — soltanto che il Sovrano presente della stessa può glorificarsi dell'emancipazione dei servi, che speriamo veder completa. Tale aureola di gloria è preferibile certamente ad ogni conquiste.

Io con Voi invio un simpatico ed affettuoso saluto al vostro bravo popolo, che tanta parte deve prendere ai venturi destini del mondo. Sempre Vostro

G. Garibaldi».

⁷⁵ G. G a r i b a l d i. Scritti e discorsi politici e militari. Vol. I. p. 356. Edizione nazionale degli scritti di G. Garibaldi. Bologna. 1934, p. 356.

для дела революционного рабочего движения анархистская теория нашла в Италии хорошую почву и пустила глубокие корни. Здесь мы лишь вкратце коснемся вопроса о взаимоотношениях между Бакуниным и Гарибальди.

Известно, что Бакунин многие годы мечтал поднять «всеславянское восстание». В письме от 10 мая 1862 г. он обратился к Гарибальди с предложением объединить итальянцев со славянами для общей борьбы против Австрии⁷⁶. В январе 1864 г. Бакунин специально поехал к Гарибальди на Капреру поделиться своими планами. По-видимому, Гарибальди не очень верил в реальность «всеславянского восстания». Зато он рассказал Бакунину, что собирался в Польшу, но поляки ему отсоветовали⁷⁷.

В ноябре 1864 г. Бакунин отправился в Италию по поручению К. Маркса для организации итальянской секции Интернационала. При этом Маркс указал Бакунину на важность привлечения Гарибальди к Интернационалу и поручил передать герою «Адрес», принятый на учредительном конгрессе. Но Бакунин уже тогда начал свою раскольническую деятельность в Интернационале и старался склонить Гарибальди на свою сторону. Гарибальди же не сочувствовал анархистской теории.

Особенно усиленно бакунисты пытались подчинить своему влиянию Гарибальди в 1871 г., когда деятельность анархистского «Альянса» дошла до высшей точки и «Альянс» повел бешеную борьбу против только что начавшего складываться в Италии марксистского течения. Всеми способами Бакунин и его сторонники старались привлечь Гарибальди на свою сторону, желая воспользоваться его именем для выступления против марксистского течения в Интернационале. В ответ на навязчивость бакунистов Гарибальди решил открыто выступить против анархистской теории. Когда один из друзей Бакунина — редактор анархистской «Avenir sociale» Крешо — обратился к Гарибальди с просьбой поддержать газету, которая яростно выступала против «авторитарного принципа» К. Маркса, то Гарибальди ответил: «Вы хотите в Вашей газете объявить войну лжи и рабству. Это — прекрасная программа. Но, я думаю, что борьба с «авторитарным принципом» является одной из главных ошибок Интернационала (т. е. бакунистских секций, которые тогда преобладали в Италии.— В. Н.), препятствующих его успехам. Парижская коммуна пала потому, что в Париже не было авторитарной власти, а была только анархия».

Энгельс в статье о положении в Интернационале с удовольствием цитирует это замечание Гарибальди: «Старый борец за свободу, который в одном 1860 г. сделал больше, чем попытаются сделать когда-либо на своем веку все анархисты, вместе взятые, знает цену дисциплине...»⁷⁸.

В 1907 г. в Италии широко отмечался 100-летний юбилей со дня рождения Гарибальди. Римский университет подготовил сборник памяти героя Италии. Юбилейная комиссия обратилась к виднейшим русским общественным деятелям и ученым с просьбой написать статьи для сборника. Это предложение было сделано экс-председателю I Государ-

⁷⁶ См. Ю. Стеклов. М. А. Бакунин. Его жизнь и деятельность. Т. II. М.-Л. 1927, стр. 8—9. Отметим, что Бакунин владел итальянским языком и изучил социальные условия Италии (см. А. Я. Панаева (Головачева). (Воспоминания. М.-Л., 1927, стр. 126).

⁷⁷ Там же, стр. 286.

⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XV, стр. 104. Поддержка Гарибальди Парижской коммуны вызвала нападки Бакунина на него: он писал по этому поводу, что *idée fixe* Гарибальди — диктатура и поэтому следовать за ним — «несчастье» (см. письмо Бакунина к Людовику Набруци от 3 января 1872 года. «Материалы для биографии М. Бакунина», под ред. В. Полонского. Т. III. 1928, стр. 313).

ственной Думы С. А. Муромцеву, историку и социологу М. М. Ковалевскому, а из писателей А. М. Горькому. Все трое приняли предложение⁷⁹.

Максим Ковалевский в своей статье приводит такой интересный факт: один редактор провинциальной газеты в Полтаве рассказал ему, что на собраниях сторонников независимости Украины он много раз слышал упоминание о Гарибальди. «Все движение как в Польше, так и в Малороссии воодушевлялось примером Гарибальди», — писал Ковалевский⁸⁰.

Наиболее интересен рассказ А. М. Горького о Гарибальди. Горький указывает, что в первый раз он услышал имя Гарибальди на пароходе, когда ему было 13 лет. Простой крестьянин с большим пафосом говорил о геройских подвигах Гарибальди в борьбе за народное дело. Затаив дыхание, пассажиры слушали вдохновенный рассказ. Горький пишет, что этот рассказ человека из народа ему запомнился больше, чем все прочитанные им позже книги о Гарибальди⁸¹.

Популярность Гарибальди среди народов нашей страны давно известна итальянцам, и некоторые авторы биографий Гарибальди с удовлетворением отмечают это. Так, например, в биографии Гарибальди, изданной вскоре после его смерти, в серии «Народная библиотека», говорится: «...И теперь еще в некоторых провинциях Российской империи крестьяне говорят о нем, называя его «Гарибальдов»⁸².

Буржуазная историография всячески старается исказить, фальсифицировать биографию Гарибальди в угоду господствующим классам. Одни его объявляют заурядным либералом, другие — монархистом, а иные — даже предтечей фашизма. На VI Конгрессе Коминтерна Г. Димитров указывал, что даже деспотический Муссолини усиленно старался нажать капитал на героическом образе Гарибальди. В «битве за Гарибальди», за его духовное наследие советская историография отстаивает правдивое освещение деятельности народного героя Италии. Нам не к чему умалять отдельные ошибки его, и мы указываем на его слабости, колебания, а иногда и на неподсудительность. Но при всем этом Гарибальди оставался революционным демократом, самоотверженно борющимся за свободу и национальную независимость. Еще в 1935 г. в звании ЦК Итальянской компартии указывалось, что знамя Гарибальди находится в руках компартии⁸³.

Имя Гарибальди присвоили своим отрядам борцы за свободу и независимость Испании в 1936—1937 гг., когда они сражались против фашистских мятежников; имя Гарибальди носили отряды движения Сопротивления в годы второй мировой войны. В настоящее время наследником революционных традиций Гарибальди являются прогрессивные силы Италии, в первых рядах которых идет итальянский пролетариат и его коммунистическая партия, ведущая народ на борьбу за мир, демократию и социализм.

⁷⁹ См. Сборник «Garibaldi». A cura dell' comitato universitario per le onoranze a Garibaldi. Roma, 1907, p. 8.

⁸⁰ М. Ковалевский. A la mémoire de Garibaldi. Там же, стр. 18.

⁸¹ М. Горький. Giuseppe Garibaldi. Там же, стр. 4. Отметим, что на русском языке рассказ А. М. Горького был впервые опубликован в газете «Биржевые ведомости», 4 июля 1907 г. со значительными цензурными сокращениями. Была, например, выброшена фраза: «Хотя бы у нас кто кликнул такой клич!» (то есть клич о восстании) и др. Полностью рассказ А. М. Горького долго оставался неизвестным советским читателям, так как в первые издания сочинений не включался. Лишь в последнем, 30-томном издании сочинений А. М. Горького рассказ напечатан полностью по итальянскому тексту. Рукопись же статьи до сих пор не найдена (см. А. М. Горький. Соч. Т. VII. М. 1950, стр. 517 и исправление в т. XXX. М. 1955, стр. 808).

⁸² «I grandi italiani. Garibaldi. Storia della sua vita (con documenti autentici e memorie inedite)». Milano, 1882, p. 11.

⁸³ См. журнал «Коммунистический Интернационал» № 31—32. 1935, стр. 63—64.